

УДК 398.4(470.433)

М. Ю. Черноярова, О. В. Зарубкина

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОДНЫХ ДУХОВ
В РУССКОМ И ЧУВАШСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ЧУВАШИИ)**

Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье, посвященной сравнительной характеристике водных духов в русской и чувашской мифологической прозе, изучаются их специфические особенности, выявляются типологические сходства и отличия, рассматриваются основные, наиболее распространенные сюжетные мотивы, связанные с этими персонажами. В работе также исследуется мифическая основа анализируемых образов и сюжетов, их связь с древними магическими обрядами и ритуалами, отражающими языческие и христианские воззрения народа.

Ключевые слова: *водяной, русалка, мифологические рассказы, Чувашия, сравнительная характеристика, сходство, отличия.*

Актуальность исследуемой проблемы. До настоящего времени остается важной и актуальной проблема изучения духовной культуры жителей Чувашского края. Несмотря на тщательное и подробное исследование чувашских народных обычаев и обрядов, сказочная проза других этнических групп Чувашии еще недостаточно изучена. В связи с этим возникает острая необходимость разностороннего изучения представлений о мифологических персонажах, в частности о духах воды, анализ которых и будет являться целью настоящего исследования.

Исследование этой проблемы было предпринято такими видными учеными, как Д. Мессарош [9], Н. И. Ашмарин [1], А. К. Салмин [16] и др. Однако до сих пор в научной литературе не существует работ, посвященных всестороннему анализу отличительных особенностей персонажей водной стихии, а также связанных с ними мотивов, практически отсутствуют исследования, в которых сопоставляется их изображение в русском и чувашском фольклоре.

© Черноярова М. Ю., Зарубкина О. В., 2017

Черноярова Марина Юрьевна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, г. Чебоксары, Россия; e-mail: luciliya@rambler.ru

Зарубкина Ольга Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, г. Чебоксары, Россия; e-mail: ludmilasosnina@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.12.2016

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 16-14-21011 «Русская мифологическая проза населения Чувашии: региональная специфика, образы и мотивы»

Материал и методика исследований. Материалом исследования являлись русские и чувашские мифологические рассказы и поверья, собранные во время экспедиций студентами и преподавателями Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук [5], а также тексты из личных архивов автора. Анализ этих материалов позволил определить методологические основы и концептуальные идеи исследования, которые опираются на текстологический структурно-семантический анализ мифологических рассказов Чувашской Республики, выявление регионального своеобразия системы образов, особенностей инкорпорации инонационального материала в художественную систему нарративов, соотнесение анализируемого фольклорного материала с архаичными представлениями и культурными традициями разнотнических групп населения, отраженными в обрядах и ритуалах. В процессе работы использовались следующие основные методы исследования: сравнительно-типологический, сравнительно-сопоставительный. Их применение обусловлено определенным ракурсом восприятия и изображения в русском фольклоре национальных моделей бытия в сопоставлении с чувашской ментально-культурной традицией и другими этническими ориентирами, что позволяет выявить как национальную самобытность, так и типологическую общность чувашской и русской народностей в рецепции русской фольклорной традиции XX–XXI вв.

Результаты исследований и их обсуждение. В русском и чувашском фольклоре существовало множество водных духов, которые отличались друг от друга местом обитания, функциями, а порой и посвященными им обрядами. Среди древних славян существовали поверья и мифологические рассказы о встречах с водяными, вировниками, лозниками, ичетиками, шиликунами, русалками, водяницами и др. По мнению ученых, часть из них имели божественное происхождение. Однако под влиянием христианства они стали восприниматься как представители низшей демонологии: низвергнутые с неба ангелы, нечистая сила. Происхождение других связывают с культом предков или страхом перед заложными покойниками. Этим объясняется разнообразие их функций, обрядов и ритуалов почитания.

В чувашском фольклоре, как отмечал еще А. К. Салмин [16], водные духи имели 41 ипостась. Рассмотрим номинации чувашских духов воды, которые связаны с их функциями и местом обитания, например, Шыв Турри (в переводе с чув. *шыв* – ‘вода’, *турри* – ‘бог’), название которого свидетельствует о том, что когда-то он являлся значимым для чувашей божеством. Возможно, основной его функцией была охранительная (чув. *Шыв кётекен* ‘Хранитель земли и воды’, ‘Охраняющий воды’). Он считался главным божеством воды (чув. *Шыв Хунё* ‘хан воды’, *Шыв Патши* ‘водяной царь’), помогал людям: об этом свидетельствует существование такой лексемы, как *Шыв Турри умёнче сүрекен ыра* (добрый дух, идущий перед богом воды). По этой причине и обращались к нему люди с молением (лексема *Шыв айёнчи Кёлё* ‘дух водомоления’).

Однако с течением времени, по-видимому под влиянием христианства, все природные духи, в том числе и водные, стали восприниматься как демоны, приносящие человеку зло (лексема *Шыв спикерё* ‘зло воды’, ‘водяной дух’, *Шыв тумхайарё* ‘зло воды’), в частности болезни (*Шыв амакё* ‘хворь воды’).

В русском фольклоре отношение к воде было также двойственным. С одной стороны, вода считалась местом обитания нечистой силы, с другой – основной стихией мироздания и по этой причине обожествлялась. Например, в произведениях древнерусской литературы упоминается богиня воды Девона, которой приносили требы.

Небесная и родниковая вода и в чувашской, и в русской традициях считалась святой, оздоравливающей человека физически и духовно, избавляющей от нечистой силы. Ритуаль-

ное омовение считалось обязательным на каждый второй день весенних и летних праздников. Подобное отношение к воде существовало и в чувашской народной культуре. Люди верили, что родники появились оттого, что подземную воду выталкивали на поверхность божества воды, и следили за их чистотой. Например, в одном из чувашских поверий так описывают духов родника: «Чуваши верят, что в родниках и больших прудах Водяной живет. Родниковый Водяной очень маленький, он похож на новорожденного. Говорят, что родники бьют из-под земли потому, что их маленькие водяные толкают. Когда набираешь или пьешь воду из родника, надо сказать: “Дух, прости”. Если этого не вспомнить, он сильно обижается, говорят» [10, с. 368]. «Поэтому, когда у чувашей горло болит или колодцы начинают высыхать, думают, что кто-то обидел Водяного, и все идут к ключам: кто орешков мучных бросит, кто кусок ватрушки с киселем положит, кто сырое яйцо даст. Говорят ему: “Пусть вода будет такой же чистой, как сырое яйцо”» [10, с. 368–369].

С принятием христианства сакральные источники освящали, и они продолжали оставаться местами поклонения как старым языческим богам, так и христианским святым. Подобные места на территории Чувашии были «мультиэтничны», поскольку становились культовыми и для русских, и для чувашей. Например, об одном из таких святых источников упоминает известный этнограф П. С. Попов: «Замечательны и религиозные обычаи. С этой целью ходят отсюда на так называемый *Фомин ключ*, верстах в 6-ти от города Чебоксары, где делают поклонения святым иконам, поставленным в часовне при роднике, и ставят много свеч, которые с огарками собираются в пользу церкви Вознесенской в городе до двух. Любят это место посещать и самые чуваше, нередко приезжающие из далеких мест. Они привозят хлеб и калачи, вино и квас. После моления часть бросают и льют в родник, а прочее употребляют сами. Взамен же берут с собою родниковую воду, находя ее лечебной в болезнях. С таким же расположением посещается горожанами часовня с иконою Николая Чудотворца в четырех верстах от города при деревне Новое Ларионово, где по преданию была будто бы церковь, на месте которой ныне часовня, куда приглашаются и священники для молебнов и водосвятия» [13, с. 66]. Общеизвестным является тот факт, что, несмотря на принятие христианства, в народных религиозных представлениях чувашей причудливо сочетались элементы старой, языческой, и новой, христианской, веры. По этой причине они приносят жертвы духам воды и в то же самое время ходят в церковь. О феномене двоеверия свидетельствует следующее чувашское поверье: «Любой мастер боится подойти к воде так же, как в церковь. Около родника громко не говорят, не смеются: вода поймает» [10, с. 367].

Поскольку вода являлась первоэлементом мира, в древности полагали, что она породила все живое на земле и могла повелевать судьбами людей. По этой причине в русском фольклоре водную стихию называли «царицей (царем)» или «хозяйкой (хозяйном)»: «Когда набирали воду, то говорили: “Царь водяной и царица водяная, царь земляной и царица земляная, дайте мне водицы на доброе здоровье”» [14, с. 176]. «На Русском Севере считают, что над всеми водяными царствует водяной царь – старик с палицей, который может подниматься к небу в черной туче и творить новые реки и озера» [6, с. 342]. Представление о водяном царе, поднимающемся на небо, также свидетельствует о божественном происхождении духа воды.

С другой стороны, поскольку вода считалась местом пограничья между тем и этим светом, доробгой душ предков в иной мир, верили, что они обитают в воде и помогают живущим в насущных делах. Еще С. В. Максимов отмечал в своей работе: «Водяной, подобно всем духам из нечисти, не только “дедушко”, как привычно зовут его, но и подлинный «пращур», каковым имеет он бесспорное право считаться» [7, с. 85]. В доказа-

тельство ученых приводит в качестве примера следующий обряд: у воды, как у отца и матери, испрашивали прощения. Люди верили, что за нанесенные ей оскорбления она может наслать болезни: «Чтобы избавиться от таких болезней, на воду отпускали кусочек хлеба с низким поклоном: “Пришел я к тебе, матушка вода, с повислой да с повинной головой – прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды”» [7, с. 205–206]. Как отмечала А. В. Никитина, «названия водяного могут отражать и его соотнесенность с миром предков (он – дед, дедушка), подчеркивая при этом его важный статус и древнее величие (он не просто хозяин древней и могучей стихии, но и владетель душ умерших, а по древним представлениям, и душ, ожидающих рождения)» [11, с. 95].

В чувашском фольклоре наблюдается важное типологическое сходство с подобного рода представлениями. Д. Мессарош писал о том, что в чувашском фольклоре «очень распространено поверье об “отце воды” (шыв ашшĕ) и “матери воды”» (шыв амăш). Им ежегодно приносят даже искупительную жертву, чтобы те не пугали людей около водоемов при купании или переправе через воду или чтобы при водопое не наслали на животных болезней» [9, с. 68–69]. Чуваша, как и русские, приносили жертвы матери и отцу воды, чтобы отогнать болезни: «Так как одно из их характерных свойств – запугивание, их еще называют водяная мать страха и водяной отец страха. Для примирения голову больного обкладывают кусочками хлеба и бросают их туда, где больной испугался или упал в воду» [9, с. 68]. Без соизволения водного духа чуваша также не смели набирать воду. Еще Мессарош отмечал, что, перед тем как чуваша пили воду, они произносили заклинания матери и отцу воды, чтобы они не смогли нанести человеку вреда.

Доказательства того, что духи воды воспринимались как пращуры, можно найти также и в чувашских быличках. В мифологической прозе сохранились архаичные сюжеты о происхождении людей от водяниц: «Водяные живут в овраге. В давние времена в теплое, тихое время они выходили, садились на край берега. В тухье и хушпу выходили. Так деревенские люди выловили их и выдали замуж в деревне. Так пошло племя водяных. И сейчас наиболее работающих и аккуратных людей называют племенем Водяного» [10, с. 374–375], «Ильтукан сделал ее своей женой. Жил с дочерью Водяного, она у него научилась всякой работе, нарожала много детей» [10, с. 375]. В русском фольклорном материале Чувашского края подобные архаичные сюжеты о происхождении от водяниц отсутствуют.

Около воды необходимо было соблюдать особые меры предосторожности. Например, нельзя было без разрешения водного духа набирать воду. Эти представления имели место и в русской, и в чувашской народной традициях, они нашли отражение в исследуемых нами мифологических рассказах: «У нас источник есть один, откуда мы воду постоянно набираем. Так вот рассказывали мне не раз, что будто водяного там видели. Один раз и мне удалось его увидеть. Пошла я воду набирать, как вдруг в лужице, которая рядом образовалась, как будто оттуда смотрит на меня кто. Я испугалась, и вдруг вода начала в разные стороны разбрызгиваться в меня такой огромной струей, как будто кто-то из шланга меня поливает. От страха убежала я» (записано в 2010 г. Е. В. Яковлевой от А. И. Ивановой, 1938 г. р., в г. Мариинском Посаде (МФФ КРЯиЛ)). В данной русской быличке присутствует традиционный мотив: водяной сердится на то, что человек берет воду из источника без его соизволения, и изгоняет его.

В чувашских поверьях человек также наказывается за нарушение запрета не пить воду без разрешения водяного: «Когда человек попьет воду, водяной насылает на него кашель или какую другую болезнь, поэтому чуваш, когда приходит пить, берет деревянный ковш и бросает со словами: “Я не пил, старый русский и старая русская женщина пили”, – потому что

живущий в воде боится русского. Выпив воду и заболев, в воду летом кидают яйцо, хлеб, масло, лепешку или, сварив дома кисель, приносят жертву» [10, с. 367]. Причем чувашки вместо молитвы используют слова заклинания, переключая гнев водяных на представителей иного рода, иной нации, обладавших, по мнению чувашек, особой магической силой, способной противостоять гневу духа воды. В современной фольклористике достаточно полно исследован феномен особой связи «чужих» с потусторонними силами, восприятия их как чародеев и колдунов, что подтверждается и нашими материалами. В этом же контексте следует воспринимать и следующую приметку. У чувашек появление во сне русской женщины, «майры», означало, что кого-то из близких «схватил водяной» и необходимо совершить обряд, избавляющий от болезней [15, с. 126]. Представители иной национальности не принадлежали к общему роду, были потенциально опасны и обладали особенной магической силой, а следовательно, по мнению автохтонов, могли колдовать, навести порчу с помощью воды.

Однако еще в XIX в. как в чувашских, так и в русских селениях существовала вера в особую силу и могущество чувашских водных духов, которых невозможно было нейтрализовать с помощью христианских обрядов. Об этом свидетельствует предание-быличка о походе Ивана Грозного на Казань по Волге. «Однажды суда вдруг остановились на глубоком месте. Отслужили молебен – не помогло. Царь распорядился найти чувашского знахаря. К нему привели знатного знахаря из деревни Большое Аккозино. Знахарь сказал: “Суда удерживают вотиши (в чувашских языческих верованиях – водные духи) за то, что русские, сколько раз ни плавали по Волге, ни разу не давали жертвы. Теперь им нужны белые быки”. По просьбе царя Топай отыскал семь быков. Принесли их в жертву – суда пошли» [9, с. 221–227]. Этот сюжет был распространен среди разноэтничных групп населения Чувашского края. Он свидетельствует о том, что чувашки, боясь гнева водных духов, продолжали поклоняться им, верить в силу и могущество вуташей. Православная вера противопоставляется языческой вере чувашек. Без помощи знахаря-колдуна и жертвоприношений вуташам русский царь не может плыть дальше: христианские обряды не могут нейтрализовать могущественных древних языческих духов. Испытывали суеверный ужас перед чужими божествами и русские жители, считая, что они могут существенно повлиять и на их жизнь. Поэтому известный сюжетный инвариант русского предания «Царь повелевает стихиями» вытесняется новым, заимствованным. В этом тексте отражается характерный для несказочной прозы региона сюжетный лейтмотив помощи знахарей – медиаторов отношений между миром реальным и потусторонним. В тексте проявляется важная особенность национального бытия чувашек: в кризисные моменты жизни они в первую очередь прибегали к услугам знахарей (йомсей), авторитет которых был непререкаем.

И русские, и чувашки обращались к первопредкам, живущим в воде, во время инициальных обрядов. Например, во время свадьбы невеста символически «умирала» в прежнем статусе для своего рода и его духов и «возрождалась» в новом, переходя под защиту потусторонних покровителей иного рода. Чтобы духи ее предков не обиделись, проводили специальный обряд прощания с водным источником. Прежде чем зачерпнуть воды, чувашская молодуха бросала хранительнице воды жертвенные монеты и приговаривала: «Мать воды, если я утром или вечером приду к тебе за водой, не отказывай мне в воде!» Затем она три раза зачерпывала воду и выплескивала ее на три стороны света, четвертым ведром она обрызгивала всех присутствующих. Ходила к своему источнику и бросала в него предметы с заклинаниями и русская невеста. Использовали монеты, перстни, булавки, а также хлеб, которым родители невесты благословляли брачующихся. Этот хлеб являлся символическим предметом, олицетворяющим связь представителей всего рода.

Еще Н. В. Зорин, исследуя свадебный ритуал разных этнических групп Среднего Поволжья, отмечал в своем труде «Русский свадебный ритуал» следующее: «Совершавшиеся с водой обряды в свадебном ритуале русского населения Поволжья наводят на мысль о том, что в их основе лежат представления о зависимости брачной судьбы девушки от водных духов, о способности воды предсказывать будущее, “разрешать” или “запрещать” вступление в брак. Использование воды или обращение к ней при совершении свадебных обрядов как бы придавало им правомерную силу» [4, с. 154]. Нам представляется, что правомерность обряда подтверждалась и символическим благословлением предков, которые обитали в воде, то есть отцом и матерью воды. Подобный обряд совершался и на второй день свадьбы, но у источника в доме мужа. По мнению Н. В. Зорина, «этот обычай можно расценивать как пережиток жертвоприношений родовому богу воды чужеродкой» [4, с. 97]. Первую воду новобрачной приходилось выкупать у односельчан мужа, которые не пускали ее к водоемам, не получив платы. На территории Чувашии в русском селе Высоковка Цивильского уезда «односельчане мужа засыпали источник соломой, чтобы новобрачная не могла его найти. Источник ей показывали только после получения угощения» [4, с. 97]. Н. В. Зорин считал общим в русской и чувашской свадьбе посещение новобрачной колодца в сопровождении золовки. Однако обряд «прокладывания пути к источнику» он связывал с влиянием чувашской традиции. У чувашей молодая, первый раз беря воду, должна была сказать: «Воду беру для тура (бога), не для самих, это вода не для нас». Если она скажет «для тура», то дух, находящийся в воде, не будет ей препятствовать. Если не скажет, то дух наведет на нее порчу. Обряд прокладывания пути к воде заключался в следующем: невесте не давали спокойно идти, стремились ей помешать, чтобы она пролила воду, прервала ритуальное молчание, то есть подвергали ее различным испытаниям. Потом у ворот ее встречал жених, а невеста должна была напоить этой водой всех, породнившись таким образом с новым «коллективом». На наш взгляд, обычай прокладывания дороги к воде не связан с влиянием чувашской традиции, а объясняется типологической общностью представлений людей разных национальностей о родовой связи с духами воды и соответствует традиции инициальных испытаний, которые присутствовали в той или иной форме у разных народов мира.

Элементы этого обряда своеобразно отразились в быличке-предании русского населения Чувашии о появлении названия реки Бездна. Девушка-сирота после смерти родителей поминает их и горько плачет у реки, внезапно роняя колечко в воду. Водяной сжалился над горем сироты и взял ее в жены. Так, возможно, в быличке трансформировался мотив добровольного ухода из жизни с целью воссоединения с родом, а в более архаичной форме – и с человеческим жертвоприношением духу воды. Сиротка пытается бежать обратно, но не может, так как попадает в иной мир, откуда невозможно вернуться. Так объясняется название реки: она не имеет дна, являясь вратами в потусторонний мир. Однако в целом для русской мифологической прозы региона, в отличие от чувашской, подобного рода архаические сюжетные инварианты о браке девушки с водяным не характерны.

Особенно много сюжетов в чувашском фольклоре о том, как русалка вступает в брак с человеком: например, водяница живет с человеком, потому что тот спасает ее от смерти; заставляет человека жениться на себе, угрожая ему; мужчина, надевая на нее крест, превращает ее в человека и женится на ней и т. д. Возможно, такое обилие сюжетов о любовной связи русалки и человека испытало и влияние литературной традиции: источником являлся популярный мотив романтической поэзии о красавицах утопленницах, которые ищут любви или мстят неверным любовникам.

Одной из причин почитания духов воды как в русском, так и в чувашском фольклоре являлась вера в то, что человеку могут нанести вред утопленники, заложные покойники, умершие не своей смертью. Они являлись опасными демонами, так как, превратившись в водяных или русалок, становились частью нечистой силы. В чувашском фольклоре одна из номинаций водного духа прямо указывает на его происхождение: *Шыв нимёрё* (дух жертвы воды). Об этом также свидетельствует и одно из чувашских поверий XIX в.: «Водяной произошел от утопленников. Если заходить в воду покачиваясь, то водяной затащит к себе и убьет» [9]. В чувашских мифологических рассказах XX в. эта традиция сохранилась. Так же объяснялось и происхождение русалок: «Утонувшие люди стали злыми водяными духами (русалками). Они манят к себе купающихся людей и, заманив, убивают. В полночь выходят на воду играть: некоторые плачут, некоторые беснуются, смеются, поют, пляшут. Если там есть человек, к себе манят, затаскивают, убивают. Эти злые духи держат пруд, чтобы он не исчез» [10, с. 372]. Идентичное объяснение мы находим и в русских мифологических рассказах Чувашии: «Мать рассказывала, что была небольшая речка, многие в ней купались. Хоть она была и неглубокая, но люди постоянно в ней тонули, причем в одном и том же месте. Со слов старых людей, в этом самом месте когда-то купались брат с сестрой и утонули. После этого люди стали тонуть именно в этом самом месте. Говорят, что они тянут, призывают к себе» (записано в 2002 г. М. Грачевой, М. Алексеевой, А. Прокопьевой от В. Ф. Гавриловой, 1941 г. р., в г. Чебоксары (МФФ КРЯиЛ)). Общим для двух фольклорных традиций является следующий сюжетный инвариант: заложные покойники топят людей. Э. В. Померанцева считала, что «мотив увода или потопления человека русалкой представляет собой персонифицированную стихийную силу, в поле действия которой человек попадает неожиданно» [12, с. 172–173].

На связь водяного с утопленниками указывает антропоморфный облик, нагота, черный цвет тела водяного: «Водяные все равно что люди: только черные и ходят голышом» [10, с. 371]. В русской фольклорной традиции региона подобный антропоморфный облик водяного встречается реже (он показывается в облике черного человека с хвостом или с длинными волосами и бородой из тины), вытесняясь постепенно нулеморфным: дух воды проявляет себя в основном звуками или действиями [17]. Это связано с тем, что водяной становится, в представлении славян, частью нечистой силы, которая может обитать где угодно, поэтому отпадает необходимость детализировать его облик.

Русалки же, напротив, в мифологических рассказах разноэтничных групп Чувашского края появляются в основном в образе прекрасной девушки с длинными волосами. Ее связь с потусторонним миром маркируется свечением, с заложными покойниками – белым цветом одежд, мертвенно-бледным лицом. «Вдруг посмотрел на берег и не поверил своим глазам: двенадцать девушек в длинных белых одеждах (как невесты), на спинах длинные косы. Все, взявшись за руки, песню поют. Сел, двинуться не могу. Но из деревни послышался петух, приветствующий рождение мира, девушки тут же пропали. В нашей деревне в этом пруду с давних времен утонули двенадцать человек: и девушки, и женщины, и старухи» [10, с. 370]. На то, что русалка является утопленницей, может указывать и синий цвет ее кожи: «В глубоких местах под водой живут русалки. Русалки точь-в-точь человек, только кожа синяя, длинноволосые, в жару выходят на солнечное тепло и расчесывают волосы, иногда и спят, греясь на солнце» [10, с. 135].

Общим для двух фольклорных традиций является наличие длинных волос как у водяного, так и у русалки. Расчесывание волос в древние времена было предвестником гибели человека. Однако прямое объяснение этой приметы в мифологических рассказах встречается достаточно редко. «Они ровно в полночь при свете луны выходят на зеленую

лужайку, расчесывают волосы. Они невидимы людям потому, что если их увидит человек, то к ним еще кто-то должен присоединиться» [10, с. 369–370]. В основном человек нарушает какой-нибудь запрет и встречает русалку, расчесывающую волосы, которая тут же исчезает: «Однажды одна девушка вышла после бани и спустилась к берегу. Из воды вышла длинноволосая девушка и, расчесав свои волосы, обратно ушла» [10, с. 369]. Когда-то русалки могли влиять на погоду, например насыпать дождь. Древние славяне считали, что когда русалка расчесывает волосы, то колдует и таким образом затопляет все, выпускает силу универсума. Волосы, косматость, груди соответствуют представлениям об особой плодородной и детородной роли подобных существ.

В современных русских мифологических рассказах центральной и северной части России духа воды жители этих территорий называют водяным чертом, не стало исключением и Среднее Поволжье, в том числе и Чувашская Республика. Е. Е. Левкиевская объясняла эту особенность облика водяного следующим образом: «Водяной злобен и враждебен к людям. Из всех духов-хозяев он ближе стоит к черту, а во многих местах считают, что черт и водяной – одно и то же» [6, с. 344]. Таким образом, в исследуемой фольклорной традиции водяной чаще всего ассоциируется у рассказчиков с нечистой силой, которая может нанести человеку вред, наказать за нарушение запрета. Чаще всего его облик нулеморфен и проявляет себя только звуками или действиями. То же самое произошло и с чувашским духом воды. В чувашском фольклоре водный дух начал ассоциироваться с усалом (нечистым духом) или шайтаном, живущими в воде. «Полагали, в роднике находится “усал”. Боясь, что злой дух схватит человека, при употреблении воды из источника говорили: “Не я пил, старый мужик со старухой пили”, – и оставляли у родника кусочек пищи» [15, с. 147]. Нельзя не согласиться с В. А. Ендеровым в том, что «со временем мифолого-демонологические представления о шиври как демиурге и культурном герое претерпели значительную трансформацию: его первичный образ слился с христианским представлением о черте. В конце концов – он олицетворение всех земных, неземных и подземных нечистых сил и духов (шив шуйттанё)» [3, с. 47]. Об отождествлении духов воды с нечистой силой, шайтаном писал еще Д. Мессарош: «Народные верования населили озера, реки и ручьи злыми духами. Шойтан больше всего держится в водах, поэтому его называют шури шуйтан: он нападает на тех, кто купается или переходит через реку, и утаскивает в воду» [9, с. 288]. Н. И. Ашмарин в своей работе «Введение в курс чувашской народной словесности» описывает обряды, связанные с изгнанием шайтана, который производился в Мункун – День поминовения усопших. Обряд этот заканчивается тем, что собравшиеся бросают свои прутьики в воду, чтобы изгнать оттуда чертей.

Сюжетные мотивы, связанные с появлением шайтана, которые приводит в пример Д. Мессарош, традиционны и для русского фольклора: Бог пытается убить черта молнией, тот показывает ему свой зад, оборачивается плачущим ребенком, просится в телегу, уводит свои жертвы к воде и топит их, похищает ребенка после проклятия матери, подменяя его деревяшкой, держит его на дне озера.

В своих работах Н. И. Ашмарин и Д. Мессарош приводят в пример сюжеты чувашских быличек о чертях, живущих под мельницами, которые практически тождественны русским мифологическим рассказам. Например, черти разрушают плотины, мельники приносят им жертвы, в том числе «строительные» (например, кладут в основание живого ребенка), поступают в услужение к нечистой силе и сами становятся шайтанами. Эти сюжеты мифологических рассказов иллюстрируют древние представления чувашей о том, что работа мельницы зависит от расположения водяного. По этой причине мельники

проводили специальные обряды, принося в жертву как домашних животных, так и человека. Подобные обряды существовали и у славян, например при постройке мельницы русские крестьяне зарывали живым любое животное с черной шерстью или лошадь. Русские крестьяне, набирая воду из ручья или переходя вброд реки, жертвовали нечистой силе, живущей в воде, хлеб или водку. В нескольких чувашских быличках сохранился древний архаичный мотив жертвоприношения духам воды. В одном из них охотник спасает водяницу от волка, а та помогает ему во всем, прежде всего в постройке дома. При выборе места охотник спрашивает у злого духа, каких он требует жертв. Сначала тот требует человеческой жертвы, затем – лошадь, корову или овцу, но человек – нечистый дух появляется из родника в облике солдата – требует у пастуха хлеба, после чего тот умирает. Нечистый наказывает человека за то, что тот не принес ему необходимых жертв.

В чувашских мифологических рассказах XX в. сохранились следующие сюжетные мотивы о встрече с водяным чертом: женщина видит его на берегу в красной рубашке, когда тот мутит воду; шайтан принимает облик рыбы и оказывается в телеге рыбака, вследствие чего лошадь не может тронуться с места. Очевидно, что сюжетные мотивы, традиционно связанные с водяным (расчесывание гребнем волос, превращение в рыбу, наделение богатством с помощью гребня), рассказчики относят к действиям нечистого, то есть шайтана.

В русской фольклорной традиции региона присутствуют следующие сюжеты о появлении водяного черта: встреча с нечистой силой на мельнице, нечистая сила останавливает повозку на мосту, мужик убивает черта, который предсказывает неудачу, уничтожает нечистого, сидящего около колодца, и другие. В русских мифологических рассказах при встрече с нечистой силой в основном помогают упоминание имени Господа, крестное знамение и молитва (значимыми являются христианские символы). В чувашских быличках водяной черт требует от человека жертв, пропадает с восходом солнца, убегает, если его узнали, заключает с человеком договор, то есть христианские символы упоминаются редко.

Почему вода в представлении людей становится местом обитания нечистой силы? Водная стихия воспринималась человеком как исходное состояние всего сущего, первобытный хаос, неструктурированное пространство и противостояла организованному пространству – земле. Считалось, что хаос порождает божеств, которые противостояли главным богам, а вселенная становилась ареной их борьбы. В дальнейшем под влиянием христианства божества воды превратились в представителей низшей демонологии, их стали воспринимать как нечистую силу. Однако во многих произведениях несказочной прозы сохранилось противоречивое отношение к мифологическим персонажам. Этот факт свидетельствует о том, что они изначально воспринимались как могущественные божества, от которых зависела судьба человека. О двойственности восприятия водяного в русском фольклоре писала еще М. Н. Власова в своей работе «Новая АБЕВЕГА русских суеверий»: «Водяной мог быть и живой водной стихией, и “хозяином” воды, и обитающим в воде нечистым духом, часто именуемым чертом» [2, с. 135]. Подобное восприятие духов воды было характерно как для русской, так и для чувашской фольклорной традиции.

Так, русские крестьяне с почтением относились к водяному, называя его «дедушкой», «хозяином». Водяной мог как помогать людям, так и наказывать их за нарушение запретов: «Не следовало набирать воду ночью, чтобы не тревожить ни саму спящую воду, ни водяного, но если такое случилось, нужно было уважительно попросить разрешения: ”Хозяин и хозяйюшка, разрешите мне водички взять!” Рыболовы покупали и откармливали к празднику худую лошаденку, топили в реке. Старший рыболов при этом выливал в воду масло и просил водяного: “Вот тебе, дедушка, гостинцу на новоселье, люби и жалуй нашу семью”» [14, с. 335].

О противоречивом отношении к чувашскому водяному Вуташу писал А. К. Салмин: «Одни источники видят в нем духа, другие божество. В понимании первых Вуташ – злой персонаж, является водным аналогом Шуйттана. В понимании вторых Вуташ – это божество в воде, его сопровождает эпитет “добрый”» [15, с. 108]. Ученый подробно анализирует обряды, посвященные Вуташу. Например, осенью, в день праздника овина, приносят жертву источникам в виде киселя и блинов. В свадебном обряде хождения за водой у родника оставляли нитку в жертву Вуташу. Именно к нему обращались и во время обряда вызывания дождя. Чаще всего ему жертвовали именно еду, использовавшуюся во время похоронно-поминальных обрядов: горбушку хлеба, кисель, яйцо. Эта повторяемость жертвенных блюд отнюдь не случайна и позволяет предположить, что этот водный дух также был связан с культом почитания предков. Поэтому в мифологических рассказах, посвященных Вуташу, он часто помогает человеку, очищает водоемы. Чуваши верили, что если забыть о Вуташе и не задобрить его дарами, то он может наслать болезнь или утопить. «Черпая воду по любому случаю, говорили: “Добрый Вуташ. Позволь”. Упоминали и отца и мать Вуташ. Отдав жертву и воду, говорили: “Довольствуйся”. Если человек не обращается к Вуташ с подобными словами, то он, говорят, очень горюет, дает слово отомстить за неприлежное отношение: сушит родники, насыляет кашель» [15, с. 109–110]. Таким образом, можно предположить, что Вуташ в целом воспринимался как древний прашур-родоначальник, которого надо было постоянно задабривать. В. А. Ендеров также относил этого персонажа к духам, в большей степени покровительствующим человеку.

Водяной и в русском, и в чувашском фольклоре помогает рыбакам в улове, по этой причине они должны были обязательно приносить ему жертвы. Русские рыбаки из первого улова кидают в воду рыбу или животного. Д. Мессарош упоминает, например, озерного водного духа Шу хоси, которому молятся и приносят жертвы для того, чтобы он наделил рыбой. Его задабривали водкой и белым хлебом.

В чувашской мифологической прозе XX в. присутствуют мотивы, связанные с этими обрядами: водяной насыляет болезнь на тех, кто долго купается в воде (спасает человека умиловительная жертва). Достаточно устойчивым является мотив наделяния человека богатством русалкой или водяным. Например, водяной расчесывает свои длинные волосы гребнем (волосы – символ богатства и магической силы), человек находит его и становится удачливым и богатым до тех пор, пока не возвращает гребень обратно. Этот мотив был характерен для всей общерусской традиции. Русалка наделяет человека богатством в награду за оказанную помощь. Чаще всего спасителем становится охотник или рыбак, который избавил ее от волка. Оригинальным мотивом в чувашском фольклоре является следующий: водяного убивает волк. В одном из вариантов сюжета спасителем водяного становится именно русский охотник: «Говорят, у Водяного много денег, он спасших его от волка людей благодарит. И этот человек после спасения водяного нашел полмешка серебра. Раньше он очень бедным был. Увидев Водяного, зажил богато. Действительно, сейчас его и не узнаешь, хозяином живет» [10, с. 371–372]. Упоминается в этих рассказах и семья водяного. Подобные мотивы были характерны и для славянского фольклора. Однако в русских мифологических рассказах исследуемого региона они уже практически не встречаются.

В соответствии с феноменом двоеверия, религиозной диглоссии действия персонажа былички оценивались иногда с точки зрения либо христианской этики (наказание за неблагоприятное поведение), либо языческих представлений о возможности вступления в договорные отношения с мифологическим существом (это допускалось в том случае, если человек пересекал границы освоенного пространства). В связи с подобного рода договорными отноше-

ями и появился сюжетный мотив былички: водяной помогает человеку. Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. В чувашских мифологических рассказах исследуемого региона эти мотивы сохранились в связи с тем, что в сознании народа все еще присутствует целостное, синкретичное восприятие мира, ощущение взаимозависимости человека и природы, обусловленное влиянием древней языческой веры. Об этом свидетельствуют также отгонные средства, которые использует человек при встрече с мифологическим существом. В чувашском фольклоре очень редко используется молитва или упоминание имени Господа – помогают в основном жертвоприношения и заклинания духу воды.

В русской фольклорной традиции исследуемого региона XX–XXI вв. сюжеты о помощи водяного человеку встречаются достаточно редко. Например, водяной помогает в ловле рыбы, если человек приносит ему отходы, в качестве покровителя водоема спасает жизнь человеку. В современных русских быличках Чувашии отсутствуют подробные рассказы об образе жизни водяного, его семье, а также следующие традиционные для русской мифологической прозы сюжетные мотивы: леший ругается с водяным, водяной проигрывает в карты, водяной играет в кости. Фрагментарно описываются взаимоотношения водяного и человека. Например, не встречаются следующие мотивы: водяной похищает проклятого, парень не женится на девушке, которая была в услужении у водяного, водяной наделяет богатством, человек в гостях у водяного, рыбаки ловят водяного, рыбаки заключают с ним договор, водяной угоняет лодку, водяной с другим духом просит помощи человека. В основном он наказывает человека за неблагоприятное поведение или нарушение запрета. Водяной выступает в роли карающего орудия судьбы, предопределяющего будущее человека, которому грозит неминуемое наказание за грехи или нарушение запрета.

Общим для двух фольклорных традиций является наличие следующих мотивов: водяной топит человека, забирает его к себе в услужение, пугает путника, решившего искупаться в воде. Водяной в чувашской фольклорной традиции наказывает человека за непочтительность: если его забыли помянуть, принести жертву, не попросили разрешения искупаться или наловить рыбы, появляются у водоемов во внеурочное время, шумят или ругаются у воды.

Наблюдается типологическое сходство и в изображении женских духов воды в русском и чувашском фольклоре. Русалка в основном имеет антропоморфный облик: чаще – девушки, реже – женщины, похожей на покойницу, нагую красавицу с распущенными волосами, реже – зооантропоморфный (наличие рыбьего хвоста) [18]. «Показалось ей, что рядом сидит высокая черная девушка. Посмотрела сестра бабушки на нее и увидела, что ноги у нее похожи на рыбий хвост. От испуга она вскочила. Русалка на нее посмотрела и прыгнула в воду» [10, с. 369]. В рассказах в основном отсутствует подробное, детальное описание внешности мифологического персонажа. Следовательно, образ русалки (здесь и далее мы будем условно называть русалками и русских, и чувашских женских духов воды, хотя первые не всегда так называются, а вторые не имеют подобной номинации) в мифологических рассказах Чувашии не соответствует севернорусской традиции (там русалок представляли в виде уродливых и косматых баб с отвисшей грудью, похожих на чертовок и ведьм; подобного рода персонаж имеется в чувашском фольклоре – Албаста, которая живет в основном в лесу), поскольку она, возможно под влиянием литературной традиции, предстает в основном в виде прекрасной юной девы. В отличие от нижегородской традиции, русская русалка Чувашии не связана с образом «проклятой девушки» и не имеет огромной груди.

Как мы уже упоминали ранее, в быличках исследуемого региона русалки воспринимаются прежде всего как заложные покойницы. В русских мифологических рассказах русалка-утопленница страдает, не находит себе успокоения на этом свете, иногда причиняя вред окружающим.

В русских мифологических рассказах региона, также как и в соседнем Ульяновском Присурье, отсутствуют мотивы о временном пребывании русалок на земле и их влиянии на урожай, свойственные южнорусской традиции. В отличие от полесской, отсутствуют мотивы, связанные с воздействием русалок на растительность. Ученые полагают, что изначально русалки не были духами, враждебными по отношению к человеку. Они, видимо, были божествами, связанными с влагой, растительностью, влияли на урожай, покровительствовали домашним работам, могли изменять судьбу человека. «Так, во многих местах верили, что там, где они резвились, трава растет гуще и зеленее, а хлеба бывают обильнее. Вероятно, характерные занятия русалок некогда имели особый смысл: расчесывание русалками волос могло обозначать высвобождение влаги, раскачивание русалок на ветвях, возможно, являлось магическим действием, способствующим росту и созреванию растений» [14, с. 65]. Возможно, эти мотивы когда-то присутствовали в русской мифологической прозе Чувашии (на это указывает, например, мотив расчесывания волос), но постепенно исчезли, так как архаичные представления о воздействии русалки на растительный мир стали вытесняться из памяти носителей народной традиции страхом перед утопленницей, способной навредить человеку. Однако следует отметить, что в чувашских мифологических рассказах архаичный мотив о влиянии русалок на урожайность сохраняется в имплицитном виде. Человек, нашедший ее гребень и спрятавший его на пшеничном поле, собирает прекрасный урожай, русалки помогают женщине жать рожь и т. д.

Обычно русалка в мифологических рассказах Чувашии появляется вечером, ночью или в полдень, поскольку нарушается главный запрет появления человека у воды во внеурочное время. Самым распространенным мотивом и в русской, и в чувашской фольклорной традиции является следующий: русалка внезапно показывается человеку и исчезает. Иногда за нарушение запрета следует и наказание: русалка заманивает путника в водоем и пытается утопить. Однако в чувашском фольклоре нарушение запрета и встреча с русалкой может привести к тому, что человек завладевает магическим предметом (гребнем), который может повысить урожайность его полей, принести ему удачу во время ловли рыбы. Это везение, как правило, является временным, так как человеку приходится вернуть то, что ему не принадлежит.

Если нарушается запрет появления человека в неполюженном месте, то это также неминуемо приводит к появлению мифологического существа. В прудах и омутах как замкнутых пространствах русалки являются хозяйками водных объектов и жестоко мстят людям, которые рискнули оказаться на их территории: «В нашем пруду русалка раньше жила. Но это была злая русалка. Она не спасала людей, а наоборот. Она была хозяйкой этого пруда и не любила детей. Никого не пускала купаться. А если кто заходил купаться, она их топила. На дно тянула. И поэтому там раньше никто не купался» (записано в 2010 г. В. Р. Галлямовой от А. П. Федоровой, 1962 г. р. (МФФ КРЯиЛ)). В чувашских быличках охранительная функция русалок встречается достаточно редко: «Эти злые духи держат пруд, чтобы он не исчез» [9]. Умершие насильственной или преждевременной смертью становились, по народным воззрениям, «стихийными» духами, то есть могли распоряжаться природными стихиями [2].

В чувашских быличках встречается больше сюжетов о взаимоотношениях человека с мифологическим существом: русалки выходят замуж за человека, рожают ему детей,

наделяют его богатством за свое чудесное спасение, заставляют на себе жениться, могут появиться перед ним, если он им понравится, наказывают за неверность. В русских текстах рассказы о любви русалки к человеку редки. В них отсутствуют также следующие распространенные мотивы: русалка похищает ребенка, опекает ребенка, оставленного в поле, живет у людей, награждает женщину за найденного ребенка, предсказывает будущее, возвращает хозяину скотину. В русской традиции исследуемого региона рассказы о помощи русалки человеку единичны. Например, русалка испытывает жалость к человеку и спасает его от гибели (русалка-самоубийца не дает отцу уйти из жизни, спасает тонущего человека).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. В русских мифологических рассказах русалка – демон, причиняющий вред человеку. Из традиционных отгонных средств используется упоминание имени Господа. Однако чаще всего человек спасается сам или при помощи других людей. В единичных текстах человек открыто вступает в борьбу с русалкой и побеждает ее: «У моей репетиторши отец шел куда-то пешком далеко и на ночевку остался около реки Кокшаги на берегу. Развел костер. Уже темнело. К нему подошла девушка и села на другом конце костра. Сидела, сидела, молчала, сама нормальная вроде. Потом вдруг вцепилась в волосы. Роберт не ожидал этого и тоже вцепился в ее волосы. А потом смотрит – в его руках только солома – никакой девушки нет» (записано в 2014 г. М. Ю. Черноярской от Т. Е. Вохминцевой, 1996 г. р., в г. Чебоксары (МФФ КРЯиЛ)). Поскольку человек при столкновении с русалкой не всегда испытывает суеверный страх, способы защиты от нее могут не иметь магического характера. Более поздними по происхождению являются следующие мотивы: человек изгоняет русалку, человек угрожает русалке. Действие человека в быличке определяется двумя тактиками ритуального поведения: человек или защищается от мифологического персонажа, или вступает в контакт с ним. Восстановление границ в быличке может происходить без участия человека (персонаж исчезает сам).

В чувашских мифологических рассказах русалка является воплощением не только нечистой силы, но и прародительницы всего живого на земле, благодетельной матери-природы, частью которой является человек. Она воспринимается и как заложный покойник (проклятый и безвременно ушедший человек), и как полубогиня.

Резюме. Как видим, наблюдается типологическое сходство представлений русских и чувашей о водных духах. Нельзя не согласиться с Э. В. Померанцевой в том, что рассказы разных народов о мифологических существах отличаются друг от друга только деталями, локальными особенностями, набором образов и сюжетов, но не жанровыми свойствами [12, с. 26]. Однако в чувашских мифологических рассказах присутствуют многие архаичные сюжеты, что свидетельствует о сохраняющемся влиянии древней языческой веры на религиозное сознание народа, прежде всего культа предков. Это влияние, безусловно, объясняется тем, что чувашаи долгое время противились христианизации. Например, целыми семьями, общинами и селениями покидали ранее обжитые места, переселялись в новые безлюдные лесные места и продолжали совершать моления своим богам. Многие из них были «бумажными» христианами, то есть, принимая новую веру, продолжали поклоняться древним языческим богам. Одновременно с этим существовало и так называемое двоеверие: «Чуваши знают уже истинного Бога (*Вырос Тура*), Пречистую Матерь и угодников Его, особенно Николу Бога (*Микул Тура*), но только еще при этом понятия об истинном боге и угодниках у них нет. Его смешивают с понятием прежних своих языческих богов» [8, с. 21]. Все эти особенности народного мирозерцания чувашского народа нашли отражение в фольклорных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашмарин Н. И.* Введение в курс чувашской народной словесности. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 430 с.
2. *Власова М. Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб. : Северо-Запад, 1995. – 383 с.
3. *Ендеров В. А.* Проблемы классификации демонологических персонажей. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 96 с.
4. *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал. – М. : Наука, 2003. – 248 с.
5. *Известия по Казанской епархии // НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 517. С. 221–227.*
6. *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. – М. : Астрель, 2000. – 526 с.
7. *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб. : Полисет, 1994. – 448 с.
8. *Мальхов П. М.* Симбирские чуваша и поэзия их. – Казань : Б. и., 1877. – 39 с.
9. *Мессарош Д.* Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – 360 с.
10. *Мифы, легенды, предания.* – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 567 с.
11. *Никитина А. В.* Русская демонология. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – 400 с.
12. *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М. : Наука, 1975. – 192 с.
13. *Попов П. С.* Этнографическое описание г. Чебоксары с его уездом 1853 года // Вестник Чувашского университета. – 2003. – № 1. – С. 66–70.
14. *Русская мифология : энциклопедия / под ред. Е. Мадлевской.* – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. – 784 с.
15. *Салмин А. К.* Духи требуют жертв. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 167 с.
16. *Салмин А. К.* Система верований чувашей. – Чебоксары : Изд-во ЧГИГН, 2004. – 208 с.
17. *Черноярова М. Ю.* Основные функции водного духа (на материале русских мифологических рассказов Чувашии) // Ашмаринские чтения : сборник трудов X Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 212–217.
18. *Черноярова М. Ю.* Русалки как традиционный образ русских мифологических рассказов Чувашского края // Ашмаринские чтения : сборник трудов IX Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2014. – С. 333–336.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

МФФ КРЯиЛ – материалы фольклорного фонда кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова.

UDC 398.4(470.433)

M. Yu. Chernoyarova, O. V. Zarubkina

**COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF WATER SPRITES
IN RUSSIAN AND CHUVASH FOLKLORE
(ON THE BASIS OF MYTHOLOGICAL PROSE OF CHUVASHIA)**

Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Russia

Abstract. The article focuses on the comparative characteristic of the water spirits of the Russian and Chuvash mythological prose, investigates their specific features, identifies their typological similarities.

© Chernoyarova M. Yu., Zarubkina O. V., 2017

Chernoyarova, Marina Yuryevna – Senior Lecturer, Department of General Educational Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Russia; e-mail: luciliya@rambler.ru

Zarubkina, Olga Victorovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Russia; e-mail: ludmilasosnina@gmail.com

The article was contributed on December 12, 2016

ties and differences, considers the most common narrative plots associated with the discussed characters. The paper also deals with the mythical basis of the analyzed images and plots and their relation to the ancient magical rites and rituals that reflect the pagan and Christian beliefs of the people.

Keywords: *water sprite, mermaid, mythical narratives, Chuvashia, comparative characteristic, similarities, differences.*

REFERENCES

1. *Ashmarin N. I. Vvedenie v kurs chuvashskoj narodnoj slovesnosti.* – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2003. – 430 s.
2. *Vlasova M. N. Novaja ABEVEGA russkih sueverij.* – SPb. : Severo-Zapad, 1995. – 383 s.
3. *Enderov V. A. Problemy klassifikacii demonologicheskikh personazhej.* – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2002. – 96 s.
4. *Zorin N. V. Russkij svadebnij ritual.* – M. : Nauka, 2003. – 248 s.
5. *Izvestija po Kazanskoj eparhii // NA ChGIGN. Otd. 1. Ed. hr. 517.* – S. 221–227.
6. *Levkievskaja E. E. Mify russkogo naroda.* – M. : Astrel', 2000. – 526 s.
7. *Maksimov S. V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila.* – SPb. : Poliset, 1994. – 448 s.
8. *Mal'hov P. M. Simbirskie chuvashi i poezija ih.* – Kazan' : B. i., 1877. – 39 s.
9. *Messarosh D. Pamjatniki staroj chuvashskoj very.* – Cheboksary : ChGIGN, 2000. – 360 s.
10. *Mify, legendy, predanija.* – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2004. – 567 s.
11. *Nikitina A. V. Russkaja demonologija.* – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2006. – 400 s.
12. *Pomeranceva Je. V. Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре.* – M. : Nauka, 1975. – 192 s.
13. *Popov P. S. Jetnograficheskoe opisanie g. Cheboksary s ego uezdom 1853 goda // Vestnik Chuvashskogo universiteta.* – 2003. – № 1. – S. 66–70.
14. *Russkaja mifologija : jenciklopedija / pod red. E. Madlevskoj.* – M. : Jeksmo ; SPb. : Midgard, 2007. – 784 s.
15. *Salmin A. K. Duhi trebujut zhertv.* – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1990. – 167 s.
16. *Salmin A. K. Sistema verovanij chivashej.* – Cheboksary : Izd-vo ChGIGN, 2004. – 208 s.
17. *Chernojarova M. Ju. Osnovnye funkcii vodnogo duha (na materiale russkih mifologicheskikh rasskazov Chuvashii) // Ashmarinskie chtenija : sbornik trudov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii.* – Cheboksary, 2016. – S. 212–217.
18. *Chernojarova M. Ju. Rusalki kak tradicionnyj obraz russkih mifologicheskikh rasskazov Chuvashskogo kraja // Ashmarinskie chtenija : sbornik trudov IH Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii.* – Cheboksary, 2014. – S. 333–336.

ISTOChNIKI I MATERIALY

MFF KRJaiL – materialy fol'klornogo fonda kafedry russkogo jazyka i literatury Chuvashskogo gosudarstvennogo univesiteta imeni I. N. Ul'janova.